

Валерий БЕЛЯКОВИЧ:

Я – театральный трудоголик!

Россия. — 2004. — 2-8 дек. — с. 18

Режиссер мечтает о доме и собаке

Беседовала
Ирина Орлова

С Театром на Юго-Западе и его художественным руководителем Валерием Беляковым я познакомилась, наверное, лет двадцать тому назад, когда статус театра еще определялся как театр-студия. Уже тогда меня поразили смелость, эксцентрика, своеобычность и оригинальность постановок. Такого в Москве не было в те годы. Не думаю, что погрешу против истины, если скажу, что нет и сейчас. Любый спектакль Театра на Юго-Западе всегда — открытие, но это трудно описать словами, потому что, сколько ни скажешь, все будет неточно, где-то рядом, но не истина. Надо видеть. Постановки не только заставляют задуматься над чем-то, но и невольно открывают глаза на мир и на самих себя в этом мире под самыми неожиданными углами. Сейчас мы беседуем с Валерием Беляковым после премьеры спектакля «Куклы» по пьесе испанского драматурга Хасинто Грау «Сеньор Пигмалион».

— Валера, скажи, как у тебя возникла идея поставить «Куклы»?

— У меня есть такая специальная тетрадь, условно называемая «магической», куда записываю все, что мне хотелось

бы поставить. Мозги у меня «повернуты» только на театр, и все, что я вижу вокруг и воспринимаю, — все применяю к театру. Иду, например, мимо свалки, вижу — забор какой-то алюминиевый валяется, и сразу думаю: вот хорошо бы из него в каком-нибудь спектакле сделать декорацию, и делаю ворота в «Макбете». Как-то стол подобрал антикварный, он до сих пор в нескольких спектаклях используется. Мне постоянно приходится что-то придумывать, выкручиваться, ведь в нашем театре нет ни вращающегося круга, ни штанкетов, поэтому у нас всегда минимум декораций. Голь на выдумки хитра.

Несколько лет назад в Библиотеке иностранной литературы проходила презентация тома писем Оскара Уальда, я их озвучивал для читательской аудитории. Там мне подарили сборник пьес, в котором я прочитал «Сеньора Пигмалиона». Тема, конечно, не новая, но для своего времени это был авангард. Пьеса мне понравилась и поразила возможностью играть кукол. Я все время хотел поставить «Приключения Буратино», но руки не доходили, а тут опять театр, куклы, антрепренеры, и тема театральная, которая меня всегда волновала. Какое-то время она «мариновалась» в портфеле театра, как «маринуются» многие пьесы,

которые я хочу поставить. Но на все, увы, жизни не хватит. А этим летом возникла ситуация, когда нужно было незамедлительно приступить к репетициям. И я вспомнил про «Сеньора Пигмалиона». Одновременно мне надо было придумать сценографию. Я, если не придумаю сценографию, пьесу не ставлю. А тут я выдумал такое вот «зазеркалье», и все сошлось. Мне важно было соединить весь театр, молодой состав и «стариков», и это получилось.

— Как говорят «на театрах»: «Об чем играем пьеску?» Иными словами, давай поговорим о сверхзадаче. Как и отчего она родилась, что подтолкнуло поставить пьесу именно в таком «ключе», под таким углом зрения?

— Сверхзадача, она, в большинстве своем, если так можно выразиться, от жизни рождается. Но что подталкивает к ее разрешению — «зазеркалье» ли, как в данном случае, музыка цирковая, артисты? В искусстве театра все так взаимосвязано, это такая «соединилка» всех и вся, что не всегда знаешь, что произойдет, что выйдет, каждый раз это белый лист. И ты никогда не можешь предугадать успех того или иного спектакля. Это просто невозможно. Когда мы отмечали 25-й юбилей театра и показали свою версию «Трехгрошовой оперы» Брехта, то

полагали, что все будет отлично, а ощущения победы не было. Как шутят персонажи в нашем спектакле «Сон в летнюю ночь», «мы репетировали нудно, неинтересно, тяжело, а вот спектакль получился... плохой». Зрители с чувством юмора всегда искренне веселятся, слыша эту шутку. А «Куклы» сразу родились удачным «ребенком». Мы определили жанр как трагиче-

Иду мимо свалки, вижу — забор алюминиевый валяется, и сразу думаю: вот хорошо бы из него сделать декорацию.

ский фарс, трагифарс. Сейчас наступило такое время, что жанры в чистом виде уже не встречаются. В жизни настолько все перемешано, что комическое и трагическое постоянно рядом. И когда вдруг куклы, марионетки, начинают «под человека работать» — это смешно, интересно, завлекательно. Но вот в финале кукла убивает своего создателя — и становится страшно. А после этого сразу же обнаруживается «перевертыш»: оказывается, все произошедшее — это тоже кукольная игра, не более того. Все время присутствуют и держат в напряжении качества восприятия — кукла — человек. Они то опускаются, то поднимаются, чашечки весов постоянно в движении.

— На мой взгляд, у тебя получилась глубокая философская притча.

— Может быть... Сегодня в обществе торжествует «золотой телец», доминирует служение доллару и наживе. Сегодня же мы живем в долг, работаем в долг, и из нас прет эта денежная философия, хотим мы этого или нет. Вот и получается: сеньор Пигмалион — суть художник, зависящий от денег, раскидывающий мозгами, каким образом и где побольше заработать на свой театр. Отчего это происходит? Наша действительность — клонированная. Понимаешь, мы теперь зависим от компьютеров, даже шахматисты играют с машиной, с роботом. Собак вот механических придумали, которые и лают, и кувыркаются. Скоро наверняка сделают человека из пробирки, как овечку Долли, хотя Церковь это запрещает, но все к этому идет... Все это куклы, куклы, куклы, они будут наступать, а во что это превратится?.. Мы хотели заставить зрителя об этом задуматься, остановиться, оглянуться, пока не поздно.

— Ты знаешь, зеркальная выгородка спектакля этому очень помогает. Ведь люди, сидящие в зале, видят в ней свое отражение, в то время когда на сцене пляшут марионетки, руководимые кукловодом. И возникает страшный такой вопрос: а себя ли, настоящих, мы видим в зеркале или мы — тоже куклы?

— Да, конечно, зеркала отражают многое, и зрительный зал в том числе, но у них есть еще одно свойство — разбиваться. А мысли об отражении возникли не только у тебя, но и у других людей, с которыми я разговаривал сразу после спектакля.

— Сдача спектакля, премьеры — это всегда самые напряженные моменты.

— Когда перестанешь волноваться, тогда не надо выходить на сцену. Это священное волнение, священный трепет,

жу, так и будет, но все равно какая-то часть спектакля рождается, конечно, коллективно, и я уже потом смотрю, что принимать, а что нет.

— Давай вспомним Виктора Авилова. В этом спектакле он бы играл Пигмалиона?

— Да... Должен был играть... В мае мы начали репетировать, но потом он уехал на гастроли с другим театром. Мы должны были встретиться в июле. А когда он вернулся с гастролей, то понял, что уже серьезно болен и надо срочно лечиться. Но я даже не представлял себе, не верил, что все кончится его смертью... В мае он играл, в мае он был здоровый, в мае он разучивал новую роль, даже намека ни на что не было. И он мне сказал, что поедет в Сибирь, там его вылечат, и все будет нормально... В августе я поехал ставить «Ромео и Джульетту» в Нижний Новгород. И во время репетиции, когда у меня на сцене умирает Меркуцио и говорит: «...да, я для этой жизни слишком переперчен...», раздается звонок на мобильный и мне сообщают — Авилов умер. Это случилось 21 августа, вечером... А ведь Меркуцио у нас в театре — Витина роль. Он много раз поразному умирал на сцене. Калигула умирал, Гамлет умирал, Мольер умирал, Фолиаль умирал, Актер в «На дне» умирал... У него в основном все роли «умирабельные» были. И он много размышлял о смерти, говорил о ней в различных интервью, его всегда занимала эта глубокая тайна бытия... Предчувствие?.. Судьба?..

— Какие ожидают новые постановки?

— У меня большой выбор пьес, но еще не настало время. Нам сейчас надо удержаться на плаву: планы достаточно размыты из-за смерти Авилова. У него было много ролей в спектаклях, которые мы продолжаем играть. К тому же периодически новые актеры приходят в театр, кто-то уходит. И еще я веду в ГИТИСе экспериментальный курс. Но вот к Новому году для детей готовится новый спектакль «Маленькая Баба-яга». Его ставит молодой режиссер Щукинской школы и актер театра Вахтангова Олег Лопухов.

— Сейчас для театра будут строить новое здание, больше, просторнее. А что будет с этим?

— Этот театр останется. Куда ж он денется? А новое здание будет рядом, через дом. Ну а здесь, скорее всего, сделают новое учебное заведение, как ГИТИС. Надо же готовить смену.

— А что бы ты сам себе пожелал?

— У меня есть здесь недалеко земля. Я бы пожелал себе на этой земле построить домик, кирпичный. И чтобы я там мог «врубать» музыку на полную громкость, и смотреть телевизор, и чтобы это не мешало соседям, и чтобы их не видеть, и чтобы там можно было писать. Ну, еще, чтобы у меня была собака...